

Из истории идеи народнохозяйственного баланса¹

Шесть подходов к идее народнохозяйственного баланса

Монографическая проработка вопросов народнохозяйственного баланса так, как они ставятся в настоящее время у нас, в экономической литературе Запада, в сущности, почти отсутствует.

Самые термины „хозяйственный“ или „народнохозяйственный баланс“ встречаются очень редко, и хотя в последнее время они фигурируют в заголовках 5—6 немецких работ, им придается обычно специальное, гораздо более узкое значение.

Тем не менее, в экономической литературе Запада можно найти некоторые подходы к разработке идеи и схемы народнохозяйственного баланса, которые заслуживают внимания как для теории, так и для практики вопроса.

Исследуя все развитие экономической мысли на протяжении последних 1½—2 столетий, можно указать следующие основные подходы к идее народнохозяйственного баланса.

А. В порядке теоретического анализа.

1) Со стороны идеи торгового (внешне-торгового) баланса, которая расширяется до понятия внешнего хозяйственного баланса и которой противопоставляется идея внутреннего хозяйственного баланса.

2) Со стороны анализа взаимоотношений отдельных социально-экономических групп и отраслей хозяйства в процессе производства, распределения и накопления.

3) Со стороны анализа хозяйственного круговорота денег как орудия обмена и связи между различными элементами хозяйственной системы капитализма.

Б. В порядке статистического исследования.

Мы находим лишь работы, посвященные некоторым существенным элементам народнохозяйственного баланса, которые в большинстве случаев рассматриваются совершенно самостоятельно. Сюда относятся:

1) Исчисления народного дохода, народного богатства и народного накопления.

¹ Из доклада, разработанного для Бюро баланса народного хозяйства ЦСУ СССР.

2) Исчисления баланса производства и потребления некоторых отдельных товаров (хлеба, хлопка, топлива).

3) Исследования структуры народного хозяйства и изменений в ней за определенный период времени.

Мы не имеем в виду останавливаться на всех высказываниях и материалах, которые так или иначе связаны с нашей темой и могут быть расположены в порядке указанной только что систематизации.

В пределах настоящей статьи мы остановимся лишь на некоторых идеях и построениях, имеющих существенное значение для развития и разработки центральной идеи.

При этом мы опускаем здесь два важнейших построения — „Экономическую таблицу“ Ф. Кенэ и схемы II тома „Капитала“ К. Маркса, которые уже рассматривались в нашей литературе в связи с проблемой народнохозяйственного баланса.¹

II. Социально-структурный баланс Грегори Кинга

Прежде всего, приходится утверждать, что если в сфере теоретической экономики идея народнохозяйственного баланса имеет весьма длинную историю и принадлежит к числу старейших (хотя лишь sporadически разрабатывавшихся) экономических идей вообще, то все же не абстрактной экономике в лице Ад. Смита или Ф. Кенэ принадлежит примат в этой области.

Больше того: можно утверждать, что как Ад. Смит, так и Ф. Кенэ выдвигали свои теоретические схемы, имея перед глазами одно конкретное статистическое исчисление, в котором идея народнохозяйственного баланса воплощена в одной из ее возможных форм совершенно ясно и отчетливо.

Мы имеем в виду знаменитый в свое время, но давно забытый нашей эпохой расчет, произведенный 232 года тому назад Грегори Кингом, носящий скромное название „Обзор доходов и расходов семейств, живущих в Англии, исчисленный для 1688 г.“²

Обзор этот имел совершенно исключительное значение не только для той отдаленной эпохи, давшей его автору имя „гения“; он представляет громадный интерес и для нас, потому что за все последующие столетия вплоть до начала мировой войны он остается един-

ственным опытом исчисления структурного баланса народного хозяйства.

Никто не попытался или не сумел повторить исчисление Грегори Кинга в последующее время по новым материалам и в новых условиях.

Больше того, хотя имя Гр. Кинга пользуется заслуженной славой в истории экономической статистики, а отчасти и в истории экономики, хотя многие из его отдельных цифр (численность населения Англии, ее народный доход и пр.) многократно воспроизводились в ряде работ, хотя в последние десятилетия перед войной иногда воспроизводилась в специальных исследованиях и самая сводная таблица,³ которую мы имеем в виду, все же она всегда считалась материалом для тех или иных специальных целей (истории сельского хозяйства в Англии, распределения населения между городом и деревней и пр.), но никто не обратил внимания на ее теоретическое существо, на ее обобщающую схему как форму народнохозяйственного баланса.

Исследуя под этим углом зрения „Обзор“ Гр. Кинга,³ воспроизведенный нами в табл. 1, мы обращаем внимание на следующие моменты.

В таблице перечислены 26 различных социальных групп, имевшихся в Англии в конце XVII века. Разграничение этих групп произведено отчасти по сословным, отчасти же по экономическим признакам. Однако, группы указаны достаточно подробно, так что при желании их можно перегруппировать в более общие категории.

Так, например, земледельцы разделены на четыре группы (не считая землевладельцев — лордов, рыцарей и эсквайров) — свободные держатели земли двух разрядов (более крупные и более мелкие), арендаторы-фермеры и крестьяне. Торговцы также разделены на три группы: крупные торговцы ведущие заморскую (т.е. внешнюю) торговлю, менее крупные, ведущие сухопутную (т.е. внутреннюю) торговлю и розничные торговцы. Промышленные группы разграничены менее четко, что, однако, вполне соответствует условиям времени: постоянные промышленные рабочие объединены с ремесленниками (artisans and handicrafts), а поденщики со слугами, живу-

¹ Нам известны три таких воспроизведения в работах: Дг. R. Faber, „Die Entstehung des Agrarschutzes in England“, Strassburg, 1888. j. Goldstein, „Berufsgliederung und Reichtum“, Stuttgart, 1897. Lord Ernle, „English Farming Past and Present“, 3 ed. London, 1922.

В первых двух работах таблица перепечатана у Дж. Чомерса, при чем во второй отмечены арифметические ошибки, а в третьей — у Давенанта с несколькими оценками (см. об этом ниже в тексте, в конце этой главы).

² Грегори Кинг был сначала исследователем геральдики дворянских родов, затем секретарем военной комиссии и, наконец, секретарем государственной финансовой комиссии. Благодаря этому он сосредоточивал в своих руках максимум имевшегося в это время статистического материала о положении английского хозяйства.

¹ См. вводную статью П. И. Попова к „Балансу народного хозяйства Союза ССР 1923/24 г.“, Москва, 1926 г., и статью В. Г. Громана, „Баланс народного хозяйства“ в № 11 „План. Хоз.“ за 1926 г.

² „Обзор“ Гр. Кинга составлял часть его работы „Natural and Political Observations and Conclusions upon the State and Condition of England“, написанной в 1696 г.

В течение всего XVIII века она была известна лишь по обширным выдержкам и цитатам из нее, которые приводил в ряде своих писаний Davenport, называющий Gregory King'a „удивительным гением“ (wonderfully genius). Лишь в начале XIX века Дж. Чомерсу удалось найти рукопись работы Г. Кинга, которую он напечатал в приложении к своей работе — G. Chalmers, „An Estimate of the Comparative Strength of Great Britain“ etc. London, 1802.

Обзор доходов и расходов семейств, живущих в Англии, исчисленный для 1688 года

(В фунтах стерлингов, шиллингах и пенсах)

Число семейств	Ранг, титул и профессия	Число душ на семью	Число лиц	Годовой доход на семью (фунт. шилл.)	Годовой доход всей группы (фунт. стерл.)	Годовой доход на душу (фунт. шилл.)	Годовой расход на душу (ф. шилл. пенс.)	Годовой прирост (+) или уменьшение (—) на душу (фунт. шилл. пенс.)	Годовой прирост (+) или уменьшение (—) на группу (фунт. стерл.)
160	Светские лорды	40	6.400	2.800. 0	448.000	70. 0	60. 0.0	+ 10. 0.0	+ 64.000
26	Духовные лорды	20	520	1.300. 0	33.800	65. 0	55. 0.0	+ 10. 0.0	+ 5.200
800	Баронеты	16	12.800	880. 0	704.000	55. 0	51. 0.0	+ 4. 0.0	+ 51.000
600	Рыцари	13	7.800	650. 0	390.000	50. 0	46. 0.0	+ 4. 0.0	+ 31.200
3.000	Эсквайры (помещики)	10	30.000	450. 0	1.200.000 (?)	45. 0	42. 0.0	+ 3. 0.0	+ 90.000
12.000	Дворяне	8	96.000	280. 0	2.880.000 (?)	35. 0	32.10.0	+ 2.10.0	+ 240.000
5.000	Высшие чиновники	8	40.000	240. 0	1.200.000	30. 0	27. 0.0	+ 3. 0.0	+ 120.000
5.000	Низшие чиновники	6	30.000	120. 0	600.000	20. 0	18. 0.0	+ 2. 0.0	+ 60.000
2.000	Крупные купцы, ведущие за- морскую торговлю	8	16.000	400. 0	800.000	50. 0	40. 0.0	+ 10. 0.0	+ 160.000
8.000	Менее крупные купцы, веду- щие сухопутную торговлю	6	48.000	200. 0	1.600.000	33. 0	28. 0.0	+ 5. 0.0	+ 240.000
10.000	Адвокаты и судьи	7	70.000	140. 0	1.400.000	20. 0	17. 0.0	+ 3. 0.0	+ 210.000
2.000	Высшее духовенство	6	12.000	60. 0	120.000	10. 0	9. 0.0	+ 1. 0.0	+ 12.000
8.000	Нижнее духовенство	5	40.000	45. 0	360.000	9. 0	8. 0.0	+ 1. 0.0	+ 40.000
40.000	Свободные держатели земель: более крупные	7	280.000	84. 0	3.360.000	12. 0	11. 0.0	+ 1. 0.0	+ 280.000
140.000	" мелкие	5	700.000	50. 0	7.000.000	10. 0	9.10.0	+ 0.10.0	+ 350.000
150.000	Арендаторы земель (фермеры)	5	750.000	44. 0	6.600.000	8.15	8.10.0	+ 0. 5.0	+ 187.000
16.000	Ученые и свобод. профессия	5	80.000	60. 0	960.000	12. 0	11.10.0	+1(?)10.0	+ 40.000
40.000	Розничные торговцы	4 1/2	180.000	45. 0	1.800.000	10. 0	9.10.0	+ 0.10.0	+ 90.000
60.000	Промышленные рабочие и ре- месленники	4	240.000	40. 0	2.400.000	10. 0	9.10.0	+ 0.10.0	+ 120.000
5.000	Офицеры воен. и торг. флота	4	20.000	80. 0	400.000	20. 0	18. 0.0	+ 2. 0.0	+ 40.000
4.000	Армейские офицеры	4	16.000	60. 0	240.000	15. 0	14. 0.0	+ 1. 0.0	+ 16.000
511.586	Итого	5 1/4	2.675.520	67. 0	34.495.800 (?)	12.18	12. 0.0	+ 0.18.0	+ 2.447.100 (?)
50.000	Матросы	3	150.000	20. 0	1.000.000	7. 0(?)	7.10.0	— 0.10.0	— 75.000
364.000	Поденщики и слуги, живущие вне дома	3 1/2	1.275.000	15. 0	5.460.000	4.10(?)	4.12.0	— 0. 2.0	— 127.500
400.000	Крестьяне и бедняки	3 1/3	1.300.000	6.10	2.000.000 (?)	2. 0	2. 5.0	— 0. 5.0	— 325.000
35.000	Солдаты	2	70.000	14. 0	490.000	7. 0	7.10.0	— 0.10.0	— 35.000
849.000	Итого	3 1/4	2.795.000	10.10	8.950.000 (?)	3. 5	3. 9.0	— 0. 4.0	— 562.000 (?)
—	Бродяги (цыгане, воры, нищие и пр.	0	30.000	0.0	60.000	2. 0	3. 0.0	— 1. 0.0	— 60.000 (?)
—	Итого	0	2.825.000	10.10	9.010.000	3. 3	3. 7.6	— 0. 4.6	— 622.000 (?)
Общий расчет.									
511.586	Лица, увеличивающие богат- ство страны	5 1/4	2.675.520	67. 0	34.495.800 (?)	12.18	12. 0.0	+ 0.18.0	+ 2.447.100
849.000	Лица, уменьшающие богатство страны	3 1/4	2.825.000	10.10	9.010.000 (?)	3. 3	3. 7.6	— 0. 4.6	— 622.000 (?)
1.360.586	Всего	4 1/20	5.500.520	32. 0	43.505.800 (?)	7.18	7.11.3	+ 0. 6.9	+ 1.825.100 (?)

щими вне дома хозяина. Обращает на себя внимание отсутствие предпринимателей-промышленников; это, повидимому, объясняется тем, что все они попадают в группу торговцев разного рода. Самый термин „trade“ обозначал как известно, вначале одновременно и торговлю и промышленность,¹ ибо промышленность лишь постепенно дифференцировалась от торговли и каждый крупный купец был одновременно и предпринимателем.

Мелкие же предприниматели, несомненно, попадают в группу ремесленников.

По каждой социальной группе Грегори Кинг сопоставляет следующие показания: число семейств, среднюю численность семьи, общую численность группы, годовой доход на семью, доход всей группы, доход на душу, годовой расход на душу и два сальдо этих рубрик — годовой прирост или уменьшение ценности на душу и по всей группе в целом в силу превышения дохода над расходом или, наоборот, расхода над доходом.

Наиболее любопытно при этом следующее. Самая группировка различных социальных слоев производится под углом зрения значения этих групп для чистого сальдо всего баланса и для народнохозяйственного накопления. Можно сказать, что „общественная ценность“ различных слоев измеряется, с точки зрения Гр. Кинга, ролью их в общественном накоплении.

Поэтому весь „Обзор“ делится, прежде всего, на две части, из коих к первой отнесены те группы, которые „увеличивают богатство страны“, т.е. чей доход превышает расход, а ко второй те, которые „уменьшают богатство страны“, т.е. чей доход меньше, чем расход.

Итоги по этим двум наиболее обобщенным категориям таблицы сопоставлены внизу таблицы отдельно. Из этого сопоставления явствует, что к первой категории относятся круглым счетом около $\frac{1}{3}$ всех семейств страны (511.586), а ко второй — около $\frac{2}{3}$ (846.000). Однако, в силу того, что средняя численность семейств первой, более зажиточной части населения гораздо выше, чем второй ($5\frac{1}{4}$ чел. против $3\frac{1}{4}$ чел.), общая численность населения делится между обеими группами почти поровну (2.675 тыс. и 2.825 тыс. чел.).

При этом годовой доход на душу в первой группе больше чем в четыре раза превышает годовой доход во второй группе — 12 фунт. 18 шилл. против 3 фунт. 3 шилл. И, наконец, в то время как по первой группе чистое положительное сальдо между доходом и расходом составляет на душу 18 шилл. в год, по второй группе имеется отрицательное сальдо, которое равно $4\frac{1}{2}$ шилл. на душу. В результате, вся первая группа в целом накапливает в год около 2.447 тыс.

¹ То же самое во французском языке, где термин „commerce“ обозначал первоначально не только торговлю, но и промышленность (см. H. Sèe, „Les origines du capitalisme moderne“, Paris, 1924, p. 133).

фунт. стерл., а вторая проедает 622 тыс., что дает чистое накопление для всего народного хозяйства в 1.825 тыс. фунт.

При общей сумме народного дохода Англии по этому исчислению в $43\frac{1}{2}$ млн. фунт., накопление составляет около $4,2\%$ в год.

Таковы итоговые соотношения в социальном балансе Грегори Кинга. Мы видим, во-первых, что это не только сальдовый, но и структурный баланс, ибо в нем ставится задача вскрыть ряд весьма существенных соотношений и „балансовых связей“ между отдельными элементами народнохозяйственного целого; во-вторых, что он составлен по тому типу, который мы называли социально-структурным, ибо в качестве элементов взяты отдельные социальные группы и, в-третьих, что он является все же структурно-незаконченным постольку, поскольку он не показывает, как распределяется текущее годовое накопление в народном богатстве и имуществе этих социальных слоев.

Параллельного имущественного баланса и анализа народного богатства Гр. Кинг не дает, хотя исчисление рентабельности важнейшего для тогдашней Англии его элемента — земли — он производит (см. табл. 2).

Таблица 2

Ценность земли в Англии и Уэльсе в 1688 г. по оценке Грегори Кинга

	В акрах	Рента за акр (ф. ш. п.)	Общая сумма ренты в фунт. стерлингов
Пахотная земля	9.000.000	0.5.6	2.480.000
Пастбища и луга	12.000.000	0.8.8	5.200.000
Леса и кустарники	3.000.000	0.5.0	750.000
Рощи, парки и выгоны	3.000.000	0.3.8	570.000
Степи, болота, горы и бесплодная земля	10.000.000	0.1.0	500.000
Дома, строения, сады и огороды, церкви и церковные дворы. .	1.000.000	} земля строения	450.000
Реки, озера, моря и пруды	500.000		2.600.000
Дороги и пустынные земли	500.000	—	50.000
Итого	39.000.000	ок. 0.6.2	12.000.000

Для понимания исчисления Гр. Кинга в целом существенно заметить еще следующее.

а) Многие черты его „Обзора“ ярко отражают мировоззрение командующих классов феодальной Англии, согласно которому общественно полезными оказываются почти исключительно имущие группы, ибо они накапливают, т.е. увеличивают богатство страны, хотя их доходы целиком получаются из чужого труда.

Напротив, трудовые классы, создающие как свой, так и чужой доход, оказываются едва ли не общественно-вредными, ибо они расходуют больше, чем получают дохода, т.е. уменьшают теоретически возможное накопление страны.

б) Как же возможно, однако, такое положение, при котором основная масса трудящегося населения — большая часть рабочих и крестьян — расходует больше своего дохода? Ведь речь идет о слоях почти неимущих, чье «состояние» ничтожно и, очевидно, не может служить длительным источником покрытия такого бюджетного дефицита. Разгадку такого положения мы найдем, лишь вспомнив историческую обстановку и условия, к которым относится баланс Грегори Кинга. Как подчеркивается уже в заголовке таблицы, она относится к 1688 г., т.е. к году английской революции, когда крайнее ухудшение положения народных масс, с одной стороны, и введение нового налога, материалы которого и послужили Гр. Кингу в значительной степени основой его исчислений, — толкнули население на революцию.

Для этого года, таким образом, рисуемые в «Обзоре» соотношения представляются вполне правдоподобными; более того, весь построенный здесь баланс приобретает совершенно иной социальный смысл и значение.

в) Наконец, нужно сказать, что в «Обзоре» имеется ряд арифметических ошибок, важнейшие из коих и отмечены вопросительным знаком (?). Некоторые из них представляют собою явные опечатки, другие производят впечатление простых округлений, вполне допустимых в первом черновом наброске таблицы, которые затем остались неуточненными. Имеется, однако, и ряд таких, происхождение коих не может быть установлено. Даже там где ошибка имеется в общей сумме нескольких величин, нельзя сказать, происходит ли она из ошибки (или опечатки) в этом итоге или в одном из составляемых.

Вместе с тем, неясно и соотношение этой таблицы с аналогичной таблицей, опубликованной Давенантом со ссылкой на Гр. Кинга задолго до нахождения рукописи работы последнего. Между ними имеется большое число отдельных расхождений (хотя общие итоги почти совпадают), в частности, в оценках доходов и расходов различных социальных групп. Остается совершенно неизвестным, внесены ли эти изменения Давенантом, не согласившимся с оценками Гр. Кинга, или они являются результатами уточнения этим последним своих первоначальных расчетов.

Однако, все эти вопросы, а равно и отдельные элементы таблицы имеют существенное значение и ныне лишь для исторического анализа условий хозяйственного развития Англии в конце XVII века. Для нас все исчисление в целом представляет интерес прежде всего структурный, как первый и доныне единственный опыт построения народнохозяйственного баланса Англии.

III. Идея производственно-потребительского баланса у Ад. Смита

Второй момент, на котором следует остановиться, это формулировка центральной идеи народнохозяйственного баланса в ее наиболее обобщенной форме.

Большой славой в этой связи пользуется «Экономическая таблица» Франсуа Кенэ, которую его ученики считали одним из трех величайших открытий в истории человечества (наряду с открытием огня и изобретением письма) и именовали «палладиумом общества», «завершением науки политической экономии», «базой экономической науки и компасом для правителей государств», а автора ее «Конфуцием Европы».

Однако, нужно констатировать, что при построении «Экономической таблицы» Кенэ отнюдь не стремился дать универсальную конструкцию баланса народного хозяйства, а лишь создать наиболее наглядную схему для демонстрации своего основного теоретического тезиса — производительности одного только сельского хозяйства. Поэтому, она и включает в себя далеко не все существенные элементы народнохозяйственной системы, а лишь те, которые представлялись автору важными для его направления анализа.

Правда, по заявлению самого Кенэ в момент составления таблицы (письмо к Мирабо в мае 1759 г.)¹ за этой основной таблицей должен был последовать целый ряд других, которые отчасти имелись в набросках, но до нас не дошли, либо, что наиболее вероятно, никогда не были доработаны.

В этой односторонности самого задания нужно искать причину того, что, несмотря на целый ряд специально написанных комментариев и пояснений, начиная от сжатых тезисообразных текстов и кончая громадными трехтомными работами,² истинный смысл «Таблицы» оставался малопонятным не только современникам, но и ряду последующих поколений.

В этом причина того, что, в конце концов, и сами физиократы вынуждены были признать «этот новый вид диалектики» весьма трудным для понимания и заявить, что его следует изучать лишь после того, как читателем вполне уяснены основы физиократического учения.

¹ Опубликовано St. Baue'om в „Economic journal“, London, March 1895.

² Кроме первого издания самой «таблицы», в 1758 г. для ее объяснения написаны: 1) F. Quesnay, „Tableau économique avec ses explications“ (напечатано в приложении к книге Mirebeau, Ami des hommes. Paris, 1760); 2) „Philosophie rurale ou Economie générale et politique d'agriculture, réduite à l'ordre immuable des lois physiques et morales, qui assurent la prospérité des Empires“, Paris, 1763 (вышла анонимно, написана совместно Кенэ и Мирабо); 3) Mirebeau, „Elements de la philosophie rurale“ Paris, 1767; 4) F. Quesnay, „Analyse du Tableau économique“, 1766. 5) Baudeau, „Explication du Tableau économique“, Paris. 1770.

И в этом объяснение того факта, что центральная идея народнохозяйственного баланса осталась так и невыявленной в „Экономической таблице“.

Формулировать эту центральную идею пришлось, повидимому, впервые только Адаму Смиту. Поводом для этого послужил разбор основной теоретической концепции трех предшествующих столетий — идеи и теории торгового баланса.

Критикуя теоретические идеи меркантилизма и, прежде всего, теорию, согласно которой необходимым условием экономического благосостояния и развития страны является активный торговый баланс, Ад. Смит пишет: „Существует, однако, другой баланс, который... совершенно отличен от торгового баланса и который непреодолимо влечет за собою процветание или упадок народа, смотря потому, благоприятен ли он или неблагоприятен. Это — баланс годичного производства и потребления („balance of the annual production and consumption“).

„Если меновая ценность годового производства больше ценности годового потребления, то капитал общества должен ежегодно возрастать в меру этого излишка. Общество потребляет в этом случае не весь свой доход, но увеличивает свой капитал на ту сумму, которую ежегодно сберегает от дохода, и затрачивает ее для того, чтобы еще больше увеличить годичное производство.

Если, наоборот, меновая ценность годового производства оказывается ниже годового потребления, то и капитал общества должен ежегодно сокращаться в меру этого отставания. Затрата общества превышает в этом случае его доход и оно неизбежно должно затронуть свой капитал. Последний должен поэтому неизбежно уменьшиться, а вместе с ним будет уменьшаться также и меновая ценность годового промышленного производства.

Этот баланс производства и потребления совершенно отличен от так называемого торгового баланса. Он может быть налицо у народа, который совсем не ведет внешней торговли и изолирован от всего мира. Он может быть в наличности на всем земном шаре, чье богатство, народонаселение и культура либо постепенно возрастают, либо постепенно понижаются.

Баланс производства и потребления может быть непрестанно благоприятным для народа, даже если так называемый торговый баланс у него обычно неблагоприятен. Народ может в течение хотя бы полустолетия ввозить больше ценностей, чем он вывозит; золото и серебро, которые в течение этого времени поступают к нему, могут тотчас же снова вывозиться; находящиеся в обращении монеты могут постепенно убывать в силу замещения их бумажными деньгами разного рода; даже долги, которые делаются в обмене с другими народами, могут постоянно возрастать; и все же, его истинное богатство, меновая ценность годичных продуктов земли и труда может в течение того же самого периода возрастать в гораздо боль-

шем масштабе. Положение наших северо-американских колоний и их торговля с Великобританией... может служить примером, что это предположение вполне обосновано¹.

В этом отрывке, который, как мы увидим ниже, в дальнейшем имел решающее влияние на все новейшие построения, существенно отметить следующие моменты:

а) Идея народнохозяйственного баланса здесь с полной отчетливостью трактуется как идея баланса производственно-потребительского.

Наименования его народнохозяйственным балансом здесь еще нет, но это компенсируется утверждением, что именно от этого соотношения зависит хозяйственное процветание или упадок народов.

б) Тип баланса, который мыслится Ад. Смитом, нужно отнести по нашей классификации к сальдовому (результативному) балансу, ибо речь идет только об итоге соотношений между производством и потреблением, а не о взаимоотношении отдельных их элементов и частей и вытекающих из этих частных разностей изменений структуры хозяйственного целого.

в) Вместе с тем, Ад. Смит мыслит здесь уже возможность известного сопоставления между производственно-потребительским балансом и другими хозяйственными соотношениями и процессами, как-то балансом внешней торговли, изменением денежной массы, даже изменением внешней задолженности. Однако, он еще не говорит о соизмерении их между собою. Скорее он трактует все остальные сдвиги как изменения материальной формы наличных в народном хозяйстве ресурсов, а также придаточных (и передаточных) частей народнохозяйственного механизма, тогда как существо народнохозяйственного процесса воплощается для него именно в балансе производства и потребления.

г) Наконец, необходимо отметить, что самая идея народнохозяйственного баланса не может считаться оригинальным достоянием Ад. Смита. Как мы видели выше у него был уже значительный материал для формулировки ее, не столько может быть в „Экономической таблице“ Фр. Кенэ и некоторых размышлениях Кантильона², сколько в статистической работе Грегори Кинга, написанной за 80 лет до появления книги Ад. Смита.

Однако, в отношении теории торгового баланса аргументация Смита вместе с учением классической школы о том, что импорт и экспорт каждой страны не могут à la longue существенно расходиться друг с другом, сыграла решающую роль. Идея торгового баланса надолго исчезает из арсенала позитивной экономической

¹ Adam Smith, „Inquiry into the causes and the nature of the Wealth of Nations (1776), Book IV, Chap. III.

² О Кантильоне, как о предшественнике Фр. Кенэ см. в № 23 „Вестника Коммунистической Академии“ за 1927 г. весьма содержательную статью А. Эйделя и Г. Кантильон, как теоретик воспроизводства“.

мысли и вспоминается лишь в порядке осмеяния заблуждений ушедших времен.

Только Фридрих Лист, развивая свою теорию „индустриального воспитания нации“ на почве резкой критики большинства построений классиков¹ попробовал взять под свою защиту и многие идеи меркантилизма, в том числе и идею торгового баланса. Однако, сделал он это в чрезвычайно своеобразной форме, а именно утверждая, что смитовский производственно-потребительский баланс это и есть не что иное, как настоящий торговый баланс, и наоборот — что торговый баланс является в значительной мере показателем баланса производства и потребления.

В самом деле, у Фр. Листа мы читаем следующее:

„Любопытно, — хотя это и в духе тех, кто подобно Адаму Смиту сильны в утверждении парадоксальных положений, — что этот знаменитый писатель после всех своих аргументов против существования торгового баланса все же устанавливает, что существует явление, которое он называет балансом, между потреблением и производством народа и которое при ближайшем рассмотрении оказывается не чем иным, как нашим реальным торговым балансом.

„Нация, чей вывоз находится примерно в равновесии с ввозом, может быть уверена, что она в отношении ее национального обмена не потребляет много больше ценностей, чем производит, тогда как нация, которая ввозит в течение ряда лет, как в последнее время Северная Америка, большие количества чужих мануфактурных товаров, чем она вывозит в ценности собственных продуктов, может быть уверена в том, что она в отношении международного обмена потребляет значительно большие количества чужих ценностей, чем производит собственных. Разве не это показали кризисы во Франции (1786—89 гг.), в России (1820—21 гг.) и в Северной Америке после 1833 г.“²

Нужно сказать что если многие концепции Фр. Листа приобрели в последующие десятилетия чрезвычайно большую популярность, так что он получил даже славу „крупнейшего экономиста Германии“ „экономического Лютера“ и пр., — то эта его попытка почти отождествить производственно-потребительский и внешнеторговый баланс никакого успеха не имела.

Больше того. Поскольку к середине XIX века не только теория, но и самая идея торгового баланса, как некоторой самостоятельной категории экономического мышления, стала считаться окончательно скомпрометированной, постольку оказалась забытой и та теоретическая концепция, которая была ей противопоставлена Ад. Смитом, — концепция народнохозяйственного баланса.

¹ См. об этом С. А. Фалькнер, „Теории индустриального развития“ в №№ 2 и 3 „Соц. Хоз.“ за 1928 г.

² Fr. List, „Das nationale System der Politischen Ökonomie“ (1841) Herausgeg. von Prof. Waentig, 4 Aufl. Jena, 1922. S. 397—398.

IV. Возрождение и разработка идеи народнохозяйственного баланса на рубеже XX века

Понадобился весьма значительный период времени, понадобилось последовательное и постепенное расширение содержания старого понятия торгового баланса в целях приведения его в соответствие с явлениями хозяйственной жизни новейшего времени для того, чтобы оно вновь получило право на существование, а вместе с ним вновь возродилось и понятие хозяйственного баланса.

Это произошло лишь в самом конце XIX века. Обе категории возродились теперь вновь, но уже не в порядке противопоставления их, как у А. Смита, и не в порядке отождествления, как у Фр. Листа, а как два элемента более сложного и более обобщенного понятия, два элемента, из коих один носит название внешнего, а другой — внутреннего хозяйственного баланса. Мы не будем анализировать здесь отдельные этапы развития понятия торгового баланса, ибо это особая тема, которая увлекла бы нас далеко за пределы настоящей работы.

Заметим только, что если основным теоретическим тезисом классиков в отношении торгового баланса был тезис неизбежной оплаты в международной торговле товаров товарами и неизбежного выравнивания торгового баланса каждой данной страны после кратковременных отклонений в ту или иную сторону, то практика экономического развития XIX века показала его полную ошибочность. Важнейшее явление нового времени — экспорт капиталов вместе с целой системой международных платежей и других перемещений ценностей совершенно нарушили эту закономерность и сделали объектом балансирования и выравнивания не товарный импорт и экспорт, а поступающие в страну и уходящие из нее платежи.

Понятие торгового баланса оказалось необходимым расширить до понятия платежного баланса и сделать последнее основным объектом исследования.

Это и было выполнено в известной работе Г. И. Гошена „Теория вексельных курсов“,¹ в которой он поставил себе целью приспособить учение классиков к новым явлениям хозяйственной жизни.

Несмотря на громадный успех и влияние работы Гошена его концепция в целом так и не привилась в английской экономической литературе. Крайний консерватизм в области терминологии и боязнь новых понятий постоянно приводят английскую экономику к повторному ремонту старых и давно устаревших терминов и приспособление их к новым условиям путем различных пристроек и приклеек. Так произошло и в данном случае. Выработанное Гошеном понятие

¹ G. J. Goshen, „Theory of foreign exchanges“. Первое издание, London, 1861.

обязательственного баланса упорно воспроизводилось в громадном числе повторных изданий его работы, но английский экономиста удовлетворилась тем, что к старому понятию торгового баланса приклеила новые рубрики разного рода не товарных платежей под названием «невидимого» экспорта и «невидимого» импорта.¹

Поэтому официальный платежный баланс Англии и до сих пор публикуется под названием торгового баланса с подразделением на «видимые» и «невидимые» статьи. Точно также и индивидуальные исследования в Англии и Америке по вопросам платежного баланса именуют его балансом торговым.²

¹ Это тем более примечательно, что понятие платежного баланса само по себе весьма давнего происхождения и даже термин был выдвинут раньше всего в старой английской литературе. Уже теоретический лидер меркантилизма вообще и теории торгового баланса в особенности — Томас Мэн — упоминает о целом ряде международных перемещений ценностей помимо экспорта и импорта, а именно на стороне пассива — гибель кораблей, заграничные займы короля, посылки денег священниками и иезуитами их орденам, а равно и монастырям; на стороне актива — деньги, выплачиваемые иностранными князьями подданным данного государства за услуги и содействие, и расходы иностранцев, путешествующих в данной стране. Мэн лишь считает влияние всех этих нетоварных платежей незначительным (Thomas Mun, „Englands Treasure by Foreign Trade“. London, 1664 (написано ок. 1625).

Другой крупнейший меркантилист, писавший за 10 лет до Ад. Смита — Джеймс Стюарт употребляет уже прямо термин — «платежный баланс» (balance of payments). James Stuart, Inquiry into the principles of Political Economy. London, 1767.

Наконец, в середине XIX века это же понятие встречается и в некоторых работах Джона Стюарта Милля.

² См., напр., „Balance of trade“, ежегодно публикуемый в официальном „Board of trade Journal“. Из индивидуальных исследований хорошим примером может служить работа Th. H. Boggs, „The international trade balance in the theory and practice“ New-York, 1922.

Правда, согласно толкованию С. К. Hobson'a „о невидимом экспорте и невидимом импорте говорят не потому, что их можно действительно во всех случаях рассматривать как экспорт и импорт, но потому, что речь идет о статьях, которые нужно присчитать к экспорту и импорту, если пожелать составить полный международный торговый отчет (international trading account)“ С. К. Hobson, „The Measurement of the Balance of Trade“, „Economica“, May, 1926. London.

Однако, это объяснение только подтверждает тот факт, что понятия экспорта и импорта незаконно распространяются на нетоварные элементы платежного баланса и применяются здесь даже не в переносном, а просто в противестественном смысле слова, хотя для этого не имеется никакой нужды и никаких оснований.

Лишь в самое последнее время обособленное понятие платежного баланса стало проникать под явное влияние немецкой литературы и в английскую экономику. Особенную роль здесь сыграли издаваемые Лигой Наций уже 3 года под ряд Memorandum on Balance of Payments and Foreign Trade Balances“.

Из отдельных работ понятие „обязательственного баланса“ появилось в заголовке книги J. Viner, „Canada's Balance of International Indebtedness“, 1900—1913. Cambridge, 1924.

Об отношении немецкой и английской литературы к вопросам торгового и платежного баланса см. также R. Meerwart, „Nationalökonomie und Statistik“. Berlin, 1925. S. 386—388.

Совершенно иное направление получила дальнейшая разработка этих понятий в немецкой литературе. Быстро восприняв основные положения концепции Гошена, германская экономика стала вначале вслед за ним считать торговый баланс частью платежного, выделяя остальные его элементы в группу „прочих платежей“ (Soetbeer).

Вскоре, однако, стало ясно, что торговый (точнее товарный) и платежный балансы удобнее противопоставлять друг другу, включая в объем последнего только нетоварные платежи, ибо основная закономерность заключается в том, что сальдо торгового и платежного баланса должны à la longue уравновешивать друг друга (Fellmeth, Scheel и др.). Тем самым понадобилось понятие, которое охватило бы их обоих.

С другой стороны, стало ощущаться, что рассмотрение всех международных хозяйственных отношений только под углом зрения платежей и обязательств является слишком узким. Правда, основная теоретическая проблема, которая является поводом для их анализа, проблема интервалютарных курсов, требует именно такого подхода. Но стоит только от нее отойти и сделать объектом рассмотрения международные хозяйственные связи, как таковые, как станет ясно, что нет никакой нужды ограничиваться категориями платежей и обязательств.

Отсюда рождается более широкое понятие „баланса международных перенесений ценностей“ (internationale Wertübertragungs bilanz) или „внешнего хозяйственного баланса“.

Но стоило только построить это общее понятие внешнего хозяйственного баланса, как естественно возникла мысль о его теоретическом корреляте — понятии внутреннего хозяйственного баланса. Идея Ад. Смита возрождалась к новой жизни почти через 125 лет после него.

Именно такую последовательность мысли и компановку понятий мы находим на рубеже XX века в работах И. Грунцеля,¹ О. Мартенса² и Никлиша.³

У Грунцеля, которому принадлежит бесспорный приоритет в этой области, мы читаем следующее: „Международный хозяйственный обмен протекает так же, как и внутренний, не всегда в формах торгового и платежного оборота, так что перенесению благ на одной стороне постоянно соответствует эквивалент на другой стороне. Понятие торгового и платежного баланса, которое также имеет свое право на существование в применении к обращению товаров и денег, является поэтому для нас слишком узким. Мы переходим к новому понятию хозяйственного баланса.. Мы

¹ J. Grunzel, „Der internationale Wirtschaftsverkehr und seine Bilanz“, Leipzig, 1895.

² O. Martens, „Die Einwirkungen des Weltverkehrs mit dem Auslande auf das Volksvermögen und den Volkswohlstand“ (Generalbilanz der Volkswirtschaft). Berlin, 1897.

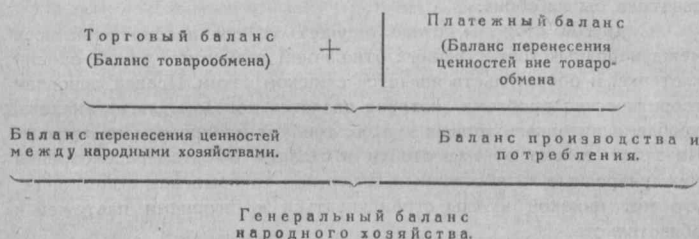
³ H. Nicklisch, „Handelsbilanz und Wirtschaftsbilanz“. Magdeburg (1901).

разграничиваем внутреннее и внешнее хозяйственное обращение в стране (inneren und äusseren Wirtschaftsverkehr eines Landes), но вместе с тем, познаем глубокую и необходимую связь между внутренним и внешним обменом и его балансом.

„Внутреннее обращение благ составляет фундамент, на котором может быть построено внешнее обращение. Ошибочно поэтому измерять одну только листовую корону дерева, не заботясь о его корнях“.¹

Под влиянием И. Грунцеля, О. Мартенс строит следующую схему взаимоотношений основных элементов народнохозяйственного баланса:

Схема 1

Что же касается Г. Никлиша, то он усложняет анализ внешне-хозяйственного баланса, различая в нем три категории — обменный, платежный и кредитный баланс, — и противопоставляет его внутри-хозяйственному балансу. Целью построения „совокупного баланса“ („Gesamtbilanz“) он считает изображение народного дохода, но под народным доходом понимает „чистый доход народного хозяйства“, т. е. прирост народного имущества. Склонность к смешению понятий сказывается у Никлиша и в его упреке по адресу Ад. Смита в том, что его идея производственно-потребительского баланса есть не что иное, как теория равновесия между производством и потреблением для частного случая изолированного хозяйства и для всего мирового хозяйства в целом, тогда как он, Никлиш, строит идею хозяйственного баланса как „чистую теорию излишка“.

Приведенная нами выше полностью цитата из Ад. Смита показывает совершенно ясно, что это толкование и противопоставление Г. Никлиша лишено всякого основания. Таким образом, если в данной работе представляет определенный интерес анализ внешне-хозяйственного баланса, то по отношению к внутренне-хозяйственному балансу оно лишь ухудшает то, что сделано было уже до нее.

Вместе с тем, необходимо констатировать, что центр тяжести всех трех цитированных только что работ лежит

¹ J. Grunzel, цит. соч., стр. 163—164.

целиком в исследовании и классификации внешне-хозяйственных отношений.¹

Балансу внутрихозяйственному, а также и всему народнохозяйственному балансу в целом посвящается лишь несколько строк, и если бы не появление новых терминов в названиях некоторых глав, то они могли бы пройти почти незамеченными.

Даже И. Грунцель после приведенного нами абзаца переходит к общим (и весьма беглым) рассуждениям о соотношении между экспортной потребностью и экспортной способностью страны, с одной стороны, и импортной потребностью и импортной способностью — с другой, и далее о влиянии внешнего товарооборота на народное хозяйство.

V. Схема народнохозяйственного баланса И. Грунцеля и ее критика

Лишь почти 20 лет спустя, в год начала мировой войны, И. Грунцель возвращается к этой теме в новой работе, где посвящает народнохозяйственному балансу несколько больше внимания и места, хотя центр тяжести работы в целом попрежнему в анализе структуры торгового и платежного баланса.²

Ввиду того что это изложение И. Грунцеля является наиболее систематичной и обобщенной обработкой вопроса о народнохозяйственном балансе во всей экономической литературе Запада, мы остановимся на нем несколько подробнее и, в частности, приведем полностью основную отрывок.

„Находящийся в распоряжении народного хозяйства запас благ — народное имущество, — пишет И. Грунцель, — претерпевает во времени изменения, которые в рамках общего хозяйственного баланса представляются, как поступления и затраты. Эти изменения проистекают из двух источников, а именно 1) производство и потребление в пределах страны и 2) ввоз и вывоз во взаимоотношениях с другими странами.

Из первого противопоставления создается внутренний хозяйственный баланс, который на стороне актива охватывает ценность добытых в стране первичных продуктов, затем повышение ценности путем дальнейшей обработки собственного и иностранного сырья и фабрикатов, путем транспорта, торговли и прочей хозяйственной деятельности в стране. На стороне пассива находится потребление не только единичных хозяйств, но и общественных учреждений (Körperschaften), а равно и всякое длительное понижение и разрушение ценности.

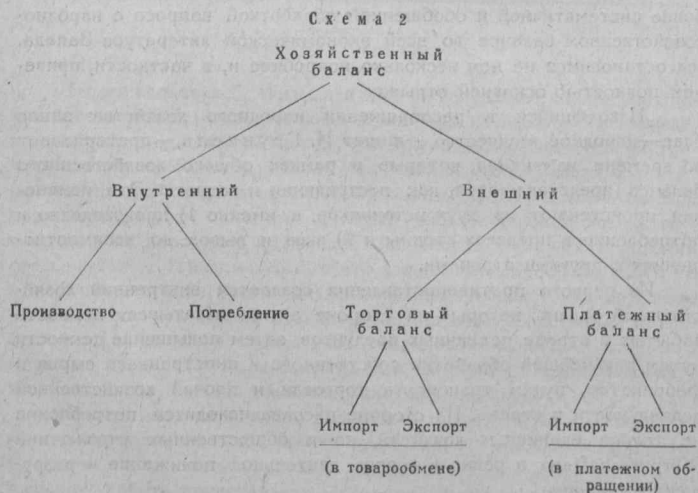
¹ Подобный же путь развития от идеи торгового баланса к идее баланса народнохозяйственного из других довоенных работ мы нашли в мало известной книге Theobald Ritter von Mossig, „Die Staatenentwicklung als Produkt von Überfluss und Mangel“. Wien und Leipzig, 1912. Народнохозяйственный баланс этот автор именует „балансом народного имущества“ (Volkvermögensbilanz), см. стр. 82 и др.

² J. Grunzel, „Handels-Zahlungs und Wirtschaftsbilanz“ (Publikationen der Exportakademie), Wien, 1914.

Конечно, не всегда легко определить что нужно сюда отнести. Техническое потребление в этих пределах нельзя считать потреблением, потому что ценность сырья воспроизводится в изготовленных из него изделиях. Напротив, личное потребление пищевых продуктов, одежды и проч. всегда относится к этой рубрике, даже если речь идет о производительных рабочих, ибо производство существует для людей, а не наоборот. При вооружении войска, жаловании служащим и прочих расходах государства и других общественных учреждений мы имеем дело с постепенным переходом от того, что необходимо для обеспечения народного хозяйства к излишку, который означает простое разрушение ценностей¹.

„Внешний хозяйственный баланс, — продолжает он, — делится в свою очередь на торговый баланс, в котором затрата (вывоз) и получка (привоз) выявляются в одном и том же балансовом периоде, значит, обычно в течение одного года (товарообмен), и платежный баланс, в котором возмещения не происходит совсем, либо оно происходит вне пределов данного балансового периода“¹.

Эти соотношения И. Грунцель иллюстрирует следующей схемой:

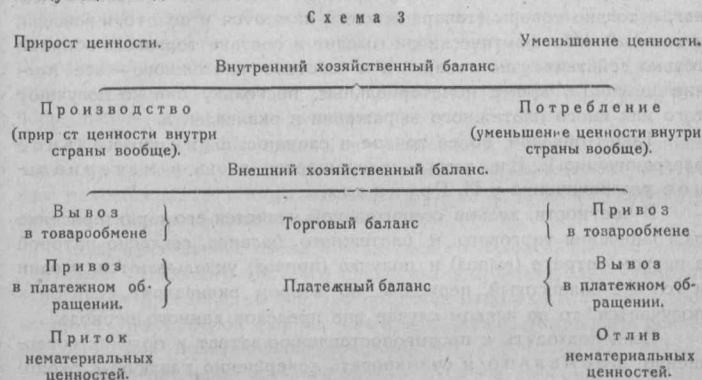

Приведенную схему, однако, И. Грунцель в дальнейшем дополняет новым существенным элементом, вводя в состав внешнего

¹ Там же, стр. 5—6. Весь этот отрывок почти дословно воспроизведен и в новой работе того же автора J. Grunzel, „Theorie des zwischenstaatlichen Wirtschaftsverkehrs“, Wien. 1924.

баланса еще один третий элемент — внешнее обращение нематериальных ценностей (услуг, прав и отношений), которое он именует „невидимым остатком“ внешнего баланса.

Если расположить элементы этого баланса в плане прироста или уменьшения ценностей, т.е. выделить налево все активные статьи, а все пассивные статьи направо, то схема приобретает следующий вид.

При рассмотрении этой схемы, прежде всего, бросается в глаза, что на стороне актива вместе с производством и поступлением платежей и других нетоварных ценностей из других стран значится вывоз товаров, а на стороне пассива вместе с потреблением и отливом платежей и прочих нетоварных ценностей в другие страны значится привоз товаров.

В построении такой схемы и классификации элементов баланса И. Грунцель явно базируется на одной систематической идее Г. Никлиша. Последний рассуждает следующим образом.

Вывоз меновых благ является всегда активом для страны, ибо он создает для нее право на получение эквивалента. Вывоз же платежных средств является, наоборот, всегда пассивом, ибо он не создает никаких притязаний на эквивалент, а лишь погашает прежние обязательства. Соответственно — привоз меновых благ является пассивом совокупного внешне-хозяйственного баланса, а поступление платежей и прочих ценностей — его активом.

Г. Никлиш при этом значительно расширяет и углубляет эти положения, которые хотя и с новой аргументацией воспроизводят старые тезисы меркантилизма.

Как товары, так и элементы платежного баланса в узком смысле, — говорит он, — могут быть эвентуально как меновыми благами так и платежными средствами, т.е. как товарами, так и деньгами в широком смысле слова.

Все дело в том, создает ли вывозимый товар новое обязательство в пользу страны-экспортера, непогашаемое в течение данного балансового периода, или нет. В последнем случае мы имеем дело с простым товарообменом, в первом же — создаются новые элементы платежного баланса.

И. Грунцель же несколько упрощает мысль Никлиша, хотя он и утверждает, что в международном обмене не существует денег, а только товары (товарами здесь являются и золото, и векселя, и валюта). Ибо фактически он мыслит в составе торгового оборота только действительно товары, а в составе платежного — все прочие ценности, кроме нематериальных, поскольку они не получают того или иного платежного выражения и эквивалента.

Таким образом, более тонкое и сложное функциональное разграничение Г. Никлиша превращается вновь в материальное разграничение у И. Грунцеля.

В частности, весьма сомнительной является его характеристика разграничения торгового и платежного баланса, согласно которой в первом затрата (вывоз) и поступка (привоз) укладываются в один и тот же балансовый период, а во втором эквивалент, если он и получается, то во всяком случае вне пределов данного периода.

Если подходить к противопоставлению затрат и поступок совершенно формально и суммировать совершенно различные экономические явления вне зависимости от их реальной связи только потому, что они относятся к одному и тому же периоду, то никакой разницы между торговым и платежным балансом найти нельзя. Формальная связь имеется как там, так и здесь, ибо и там и здесь противостоят друг другу определенные суммы актива и пассива, которые балансируются определенным сальдо и которые условно можно считать эквивалентами — „затратой“ и „получкой“ (*Leistung und Gegenleistung*).

Если же искать связи и эквивалентности реальной, то мы не найдем ее в пределах одного балансового периода ни в торговом, ни в платежном балансе. Ибо во внешнем товарообмене экспорт и импорт сплошь и рядом экономически совершенно не связаны друг с другом и относятся к совершенно различным отраслям производства, так что о „возмещении“ затраты поступкой вообще не может быть речи. В тех же случаях, когда они экономически связаны, как, напр., при импорте сырья, которое перерабатывается и экспортируется в виде готовых изделий; то и здесь их связь выходит за пределы одного балансового периода, т. е. никакого отличия от платежного баланса найти нельзя. Об этом лучше всего говорит тот факт, что по данным Соед. Штатов и Англии общий запас товаров во всем народном хозяйстве составляет нормально около $\frac{3}{4}$ годового производства и потребления страны.

Однако, вторая схема И. Грунцеля (см. схему 3) ясно показывает нам различие между структурой народнохозяйственного баланса

в ценностном выражении и баланса отдельных товарных отраслей в натуральном выражении. В последнем случае на сторону актива относятся внутреннее производство и привоз данного товара, а на сторону пассива потребление и экспорт, так что разность между обеими суммами дает увеличение или уменьшение запасов в стране.

В народнохозяйственном же балансе, где анализ резко усложняется включением обязательственных отношений и где простое наличие товарной массы отнюдь не говорит еще о степени эффективности хозяйственной системы, разные виды поступлений из-за границы во всяком случае не могут быть суммированы, ибо они в большинстве случаев лишь компенсируют друг друга.

С другой стороны, однако, суммирование в общей схеме баланса таких экономически различных категорий как производство и экспорт или потребление и импорт от этого отнюдь не делается более разумным и более обоснованным.

Если формальная схема бухгалтерского баланса, выработанная для нужд отдельного частного предприятия, действительно требует такого суммирования, то гораздо разумнее отказаться от использования ее трафаретной формы, чем, подчиняясь ей, насиловать основные категории политической экономии.

И действительно: нет никакой нужды втискивать построение народнохозяйственного баланса в бухгалтерский трафарет для того, чтобы добиться перечисления всех его статей и элементов в одной общей таблице, как это делает И. Грунцель.

Проблема построения народнохозяйственного баланса может быть решена совершенно иным путем — путем сепаратного исчисления итогов внутреннего и внешнего баланса и выведения из этих двух самостоятельных сальдо общего сальдового итога.

Уже простое сопоставление производственно-потребительского баланса с внешнеторговым, как гомогенных величин является с народнохозяйственной точки зрения недопустимым. В одном случае речь идет о создании и уничтожении ценностей, а в другом — о простом перемещении их, которое компенсируется обратным перемещением их эквивалентов. Лишь поскольку сопоставление сальдо по торговому и платежному балансу выявит факт отсутствия полной эквивалентности внешних сношений, постольку сальдо всего внешнего баланса может сопоставляться и суммироваться с сальдо внутреннего баланса.

В заключение приведем еще одну, третью схему И. Грунцеля, которой он иллюстрирует содержание и структуру внешнего хозяйственного баланса и его отличие от обычного платежного баланса.

Схема 4

Структура внешнего хозяйственного баланса

Включая все одностороннее перенесения ценности.	Привоз	}	товаров в товарообмене —	} Внешний хозяйственный баланс
	Вывоз		— торговый баланс.	
	Привоз	}	материальных благ (товаров, благородных металлов, векселей и прочих ценных бумаг) вне товарообмена —	
	Вывоз		— платежный баланс.	
	Привоз	}	нематериальных благ (услуг, прав и отношений) —	}
	Вывоз		— невидимый остаток.	

Непокрытый остаток внешнего торгового баланса состоит из нематериальных благ, которые проявляются в платежном балансе лишь постольку, поскольку они оплачиваются материальными благами.

Действительная сумма отношений между разными странами, однако, значительно шире схемы И. Грунцеля, ибо она включает еще и обмен такими нематериальными благами, которые никакой оплате не подлежат. Сюда относятся научные открытия, технические идеи и усовершенствования, методика образования и различные организационные схемы, которые, зародившись в одной стране, неизбежно заимствуются всеми остальными, оказывая существеннейшее влияние на все экономическое развитие.

В сфере этих нематериальных и неоплачиваемых благ внешний баланс наиболее развитых передовых стран оказывается всегда пассивным, ибо сумма культурных ценностей, безвозмездно „отдаваемых“ ими более отсталым странам, неизбежно превышает сумму ценностей, „получаемых“ ими от последних.